

Глава 16

Для создания Пилюль Предельного Ян требовалось время на подготовку редких ингредиентов, поэтому Чжун Цай, имея на руках пятьсот наборов трав для Пилюль Защиты Головы, решил сперва сосредоточиться на них.

Несмотря на обычную веселость и склонность к шуткам, в деле алхимии юноша преображался — он становился предельно собранным и внимательным.

Рецепт Пилюли Защиты Головы включал в себя редкие компоненты: траву Тяньхуан и корень Байву, а также вспомогательные ингредиенты: траву Цанпин, семена Сянцзин и Камень Бычьего Сердца. Чжун Цай начал с обработки травы Тяньхуан — ему предстояло аккуратно извлечь тончайшие золотистые волокна из её сочных листьев.

У Шаоцянь молча сидел рядом, не сводя глаз с ловких рук супруга. Он прекрасно понимал: дело было не в лени Цай-эра. Чжун Цай просто хотел занять его делом, чтобы у него не оставалось времени на мрачные мысли о собственной участи.

Вернувшись в главное поместье, управляющий А Да предстал перед главой семьи, У Минчжао.

— Ну, что скажешь? — коротко спросил тот.

— Мастер Чжун молод и горяч, — почтительно отозвался страж, — однако к молодому господину Шаоцяню он относится с величайшим почтением и заботой.

А Да в красках описал всё, что видел в маленьком дворике, не упустив ни единой детали в поведении и мимике Чжуна Цая.

У Минчжао задумчиво постучал пальцами по столу:

— Прошло совсем немного времени, а чувства уже стали столь глубоки?

А Да промолчал — вопрос явно был риторическим.

Раньше У Шаоцянь обладал выдающимся талантом и был крайне самостоятелен. Чтобы не портить отношения с сыном излишним контролем, Минчжао, будучи вечно занятым делами клана и тренировками, не следил за каждым его шагом. Сильные воины горды, и даже родной отец не мог позволить себе слежку за сыном, который по силе почти не уступал ему.

Благодаря осторожности Шаоцяня, У Минчжао и не подозревал об их многолетней связи. Теперь же он лишь недоумевал. Впрочем, даже зная он всё наперёд, он никогда бы не догадался, насколько причудлив ход мыслей в голове Чжун Цая.

Немного помолчав, глава семьи распорядился:

— Присматривай за ними. Если мастер Чжун сохранит верность моему сыну — это станет для него величайшим благословением. Если же его сердце дрогнет... что ж, всё равно старайся удержать его на нашей стороне, действуй осторожно.

— Слушаюсь, — кивнул А Да.

— И ещё: если мастеру Чжун понадобятся какие-либо ингредиенты, и он обратится к клану — пусть ему во всём идут навстречу.

А Да вновь склонился в поклоне.

Госпожа Ян Цзинфэй, целиком поглощённая воспитанием младшего сына Дунсяо, сочла распоряжения мужа разумными и не стала вмешиваться. По её мнению, будущее Чжун Цая было туманным, но раз глава семьи так решил — пусть будет так. Лишь управляющий Хэ Чжоу, прознав об этом, втайне порадовался за своего любимца Шаоцяня.

Больше всех негодовал У Шаоань.

— «Чувства крепки, как скала»? Смехота! — прошипел он, лицо его потемнело от злости.

В его памяти всплыл день свадьбы. Чжун Цай в красном платье, скрытый фатой... Он не реагировал ни на какие колкости, стремясь лишь к одному — поскорее выйти замуж за Шаоцяня. Тогда Шаоань лишь презирал его: кому сдалась преданность ничтожества с низшим рангом? Кто же знал, что этот парень окажется алхимиком, да ещё и так беззаветно преданным калеке!

Тот в ярости ударил по столу, сокрушая мебель в щепки.

— Мастер алхимии, а ведёт себя как последняя дешёвка!

Его страж Ся Цзян стоял поодаль, не выражая никаких эмоций. Хоть мёртвые стражи редко рассуждали о морали, он понимал, что оскорбления господина несправедливы. В благородных семьях мужчины и женщины в гаремах преследовали лишь две цели: наслаждение красотой и рождение талантливых детей. Искренняя любовь здесь была величайшей редкостью.

В клане У было пятнадцать ветвей, и среди всех женатых соплеменников, за исключением тех, кто ещё не успел обзавестись наложницами и прислужниками, лишь в тринадцатой ветви царил истинный мир: госпожа У Шуйсянь и её муж Хо Вань жили душа в душу, не впуская в свои покои посторонних. Теперь к ним добавились Шаоцянь и Чжун Цай. Тот факт, что Шаоцянь лишился сил, лишь подчёркивал чистоту помыслов мастера Чжуна. Любой здравомыслящий человек сейчас завидовал бы Шаоцяню, а не презирал его супруга.

Но Ся Цзян давно привык: его господин был завистлив и мелочен, и ожидать от него иных слов не приходилось.

Когда А Да вёл толпу красавцев к дворику Шаоцяня, это видели многие. И когда он уводил их обратно, слух о том, что Чжун Цай отверг подарки, мгновенно разлетелся по поместью. Соплеменники, ожидавшие скандала или вестей о раздоре в молодой семье, были поражены. Мало кто мог поверить, что новоиспечённый алхимик действительно так верен своему павшему мужу.

Многие молодые отпрыски клана уже начали подумывать о том, чтобы нанести визит вежливости и разведать обстановку лично. Однако шли дни, а ворота маленького дворика оставались плотно закрытыми. Даже слуги выходили лишь по необходимости и старались поскорее вернуться назад. Было очевидно — хозяева не желают лишних глаз.

Так супруги смогли сохранить привычный ритм жизни, целиком посвятив себя алхимии.

Талант Чжун Цая не вызывал сомнений. Пилюля Восполнения Ци была не самым простым составом, и раз он одолел её, то и другие рецепты были ему по плечу. Пилюля Защиты Головы считалась одной из сложнейших среди снадобий своего класса.

Главная трудность заключалась в Камне Бычьего Сердца — его невероятная твердость требовала идеального помола, а малейшая ошибка в пропорциях порошка могла безнадежно испортить все остальные травы. Кроме того, трава Тяньхуан и корень Байву вступали в конфликт свойств. Чтобы их примирить, требовался сок семян Сянцзин: в тот самый миг, когда смесь начинала закипать, выбрасывая ровно три крупных пузыря, нужно было впрыснуть сок точно на эти пузыри. Только тогда бушующая энергия в котле успоивалась.

Ингредиенты закладывались строго по порядку: сначала Тяньхуан, затем Байву вместе с Сянцзин, после — Камень Бычьего Сердца, и в самом конце — трава Цанпин. Когда два главных препятствия были пройдены, требовалось поддерживать идеальный жар, иначе трава Цанпин мгновенно обугливалась, уничтожая всё содержимое котла с шипением и зловонным дымом.

Несмотря на возросшую сложность, Чжун Цай освоил этот рецепт гораздо быстрее. К полудню пятого дня первая партия была готова. Цай осторожно извлек шарики из котла и положил их в чашу, которую держал У Шаоцянь.

— Один, два... — он разочарованно вздохнул. — Жаль, всего четыре штуки, да и те лишь низшего качества.

— Это нормально, — успокоил его Шаоцянь. — Состав сложный. Ещё несколько партий, и ты набьёшь руку.

Цай лукаво взглянул на него:

— Лао У, а ты в меня веришь больше, чем я сам.

— Конечно, — усмехнулся Шаоцянь. — Я теперь живу за твой счёт, так что мне жизненно необходимо тебе льстить.

Чжун Цай закатил глаза:

— Что-то не больно похоже это на лесть.

Обмениваясь шутками, Цай убрал готовые пилюли в ларец и принялся за новую порцию трав. У Шаоцянь быстро привел котел в порядок. За эти дни они не только стали лучше понимать друг друга, но и сама их жизнь стала спокойнее. Присутствие Шаоцяня помогало Чжун Цаю сохранять внутреннее равновесие, а забота о друге давала Шаоцяню столь необходимый душевный покой.

В разгар их привычной суеты внезапно раздалось сухое:

«Хрусть».

Оба замерли. Реакция последовала мгновенно. У Шаоцянь приподнял руку, выставляя широкий рукав, а Чжун Цай осторожно подставил ладони. В следующую секунду бирюзовое редкое яйцо мягко скользнуло в руки алхимика.

Цай тут же устроил его на мягкой подстилке. На вершине скорлупы медленно, но верно расплзалась трещина. Друзья затаили дыхание.

Вскоре острый клюв пробил скорлупу, и наружу высунулось короткое крылышко, покрытое

нежным голубоватым пухом. Край крыла казался острым — стоило малышу пару раз взмахнуть им, как трещина расширилась, и скорлупа окончательно развалилась, открывая миру пушистый сине-зелёный комочек.

Маленькая головка смешно качнулась, и золотистые глаза уставились на людей с трогательным любопытством.

Чжун Цай выдохнул:

— Надо же, именно сейчас решил вылупиться.

— Двойная радость в один день, — вторил ему Шаоцянь.

С тех самых пор, как им досталось это яйцо, они буквально не расставались с ним, согревая его теплом своего тела по очереди. Днём, пока Чжун Цай был занят у котла, яйцо обычно покоилось в рукаве Шаоцяня, прижатое к его запястью.

Маленький рух принялся быстро поедать скорлупу, и его аура начала расти прямо на глазах. Если в момент рождения от него почти не исходило силы, то теперь его дыхание уже превосходило силу самого У Шаоцяня.

— Как и ожидалось: рождённый на втором ранге, — восхитился Шаоцянь.

Пух на теле птенца стремительно грубел, превращаясь в плотные, отливающие сталью перья. Кончики каждого перышка мерцали холодным блеском — было ясно, что при малейшей угрозе они станут острее любого лезвия.

Внезапно бирюзовая вспышка метнулась вперёд и впечаталась Чжун Цаю прямо в лицо.

Тот замер:

— ...

У Шаоцянь, не в силах сдержать смех, поспешил снять пушистого агрессора с лица супруга. Малыш перекувыркнулся в его ладонях, забавно пискнул и, неуверенно взмахнув крыльями, поднялся в воздух. На этот раз он нежно прижался клювом к щеке Цая, словно ласкаясь.

Супруги переглянулись. Птенец был на редкость очарователен. В конце концов Шаоцянь поймал его, не давая больше мешать Чжун Цаю. Тот лишь улыбнулся:

— Я продолжу работу.

— А мы с этим парнем будем наблюдать, — Шаоцянь погладил птенца по голове.

— И не забудь придумать ему имя! — напомнил Цай.

Чжун Цай вернулся к котлу. Его движения стали ещё более уверенными. Вторая партия прошла идеально — снова четыре пилюли низшего качества. Затем ещё одна, и ещё. После пары неудачных попыток мастерство Цая совершило резкий скачок: шанс успеха вырос до невероятных семидесяти процентов! Теперь из каждого котла он неизменно доставал по четыре пилюли.

Цай победно посмотрел на Шаоцяня. Тот в ответ одобрительно поднял большой палец:

— Ты — самый талантливый из всех, кого я знаю.

— Мне ещё есть куда расти, — скромно заметил Цай, хотя глаза его сияли.

У Шаоцянь продолжал чистить котел, а маленький рух, свернувшийся в его рукаве, то и дело издавал залиvistые звуки. Чжун Цай методично пересчитывал готовую продукцию, иногда не удерживаясь и легонько тиская синий комочек в рукаве друга.

— У нас тридцать шесть штук. Стоит ли сбыть их Залу Пилюль сейчас? — спросил Цай.

— Ты освоил рецепт за пять дней — это выдающийся результат. Если хочешь сохранить тайну, лучше пока повременить, — рассудил Шаоцянь.

— Тогда подождем ещё декаду. Пять штук отложим для моего «дорогого» папаши — в четвертой ветви есть младшие братья и сёстры, им пригодится.

— Как пожелаешь.

Дни летели незаметно. Прошло ещё десять дней. Юноша проводил у котла по двадцать сессий в день, и почти пятнадцать из них были успешными. Если сначала он стабильно выдавал по четыре пилюли низшего качества, то вскоре в нём словно что-то «щёлкнуло»: теперь он извлекал по восемь штук за раз, причём почти половина из них была среднего качества.

Подсчитав общий итог, Цай ахнул: в ларцах покоилось шестьсот двенадцать пилюль низшего качества и двести сорок — среднего.

— Лао У, прикинь, сколько это в золоте!

— Семь тысяч семьсот семьдесят шесть золотых, — мгновенно отозвался Шаоцянь.

— А Дани-юнь?! Сколько духовной эссенции пилюли я накопил?!

— Тысячу девяносто две нити духовной эссенции.

Чжун Цай с гордостью окинул взглядом свои богатства:

— Смотри, Лао У! Вот она — империя, которую я для тебя завоевал!

Шаоцянь не совсем понял, при чём тут империи, но, зная характер друга, лишь улыбнулся:

— Величественное зрелище!

Цай аккуратно наклеил ярлыки на ларцы и убрал их в сумку.

— Этот рецепт сложнее, так что скажем, что мне потребовалось больше времени. Допустим, я успешно сварил четыре партии с шансом в десять процентов... Итого пятнадцать штук. Пять отдадим отцу, а остальные десять Чжун Да сбудет Залу Пилюль.

— Разумно, — одобрил Шаоцянь.

Когда они вышли во внутренний двор, с ветки старого дерева спикировал синий комочек размером с ладонь. Смешно хлопая оперившимися крыльями, малыш приземлился на плечо Шаоцяня. Тот уже дал ему имя — Цин Юй.

Чжун Цай ласково потрепал птенца по голове. Тот лишь забавно нахохлился, не выказывая недовольства. Пока Цай занимался алхимией, Шаоцянь оставлял птенца в саду. Несмотря на то что рух вылупился совсем недавно, он уже прекрасно летал — в воздухе он напоминал маленькую синюю молнию, оставляя за собой лишь размытый след.

Цин Юй был одинаково привязан к обоим хозяевам. Стоило им появиться, он тут же занимал чьё-нибудь плечо, выражая свой восторг бурным щебетом. Цай обожал его тискать — это было лучшим средством от усталости.

Видя, как Цай привязан к питомцу, Шаоцянь и сам проникся к нему глубокой симпатией. Он позвал Чжоу Линя:

— Корм для малыша готов?

— Да, господин, он уже поел, — почтительно ответил слуга.

Чжун Цай, видя такую заботу, довольно улыбнулся. Однако, глядя на кружащего в небе Цин Юя, он внезапно помрачнел. Вскоре рух подрастет и сможет носить всадника... И даже если бы не жажда мести, он всё равно хотел бы подарить этого зверя своему другу. Уж слишком они подходили друг другу.

Достигнув пика девятого уровня Сферы Открытия Дворца, мастера получают способность летать — их Дворец Дао переполнен энергией, а каналы очищены настолько, что тело становится легким, как перышко. У Шаоцянь в своё время достиг Сферы Освящения и, едва научившись летать, тут же помчался хвастаться перед Чжун Цаем.

Цай видел многих летающих мастеров, но никто не выглядел так грациозно и величественно, как Шаоцянь. Тогда Цай, снedaемый завистью и восхищением, буквально вынудил друга взять его с собой. В глухом ущелье Шаоцянь носился по небу с Цаем на спине, выделявая такие пируэты, что захватывало дух. Они смеялись до упаду, пока у Шаоцяня не заканчивались силы.

Цай помнил, каким свободным и счастливым был тогда Шаоцянь. А теперь... теперь он лишен этой возможности. Шаоцянь вел себя так, будто его это не заботило, но Чжун Цай не мог с этим смириться. Он хотел, чтобы его друг снова вернулся в небо. Как можно скорее.

Юноша вновь улыбнулся. Синий рух был невероятно быстр и маневрен — верхом на таком звере Шаоцянь почти не почувствует разницы с прежними временами. Более того, на такой благородной птице он будет выглядеть даже внушительнее многих мастеров Сферы Освящения.

Цай по-приятельски обхватил Шаоцяня за шею и весело спросил:

— Ну что, через пару месяцев прокатишь меня с ветерком?

Шаоцянь на мгновение замер, осознав, о чём на самом деле печется его супруг. В его глазах потеплело.

— Обязательно, — пообещал он.

Оба заулыбались, предвкушая этот день. Внезапно Чжун Цай хлопнул себя по лбу.

— Что такое? — вздрогнул Шаоцянь.

— Беда... — простонал Цай. — Похоже, этот прожорливый Цин Юй нас по миру пустит!

Малыш уже достиг середины второго ранга — результат, превзошедший все ожидания. И хотя сейчас он ел не так много, каждые три дня ему требовалась туша зверя второго ранга, что обходилось минимум в пятьсот золотых. Благо, у Шаоцяня были запасы мяса, которых хватит на пару месяцев. Но когда рух вырастет, ему понадобится туша в день! Двадцать тысяч золотых в месяц, четверть миллиона в год...

Даже если Чжун Цай будет сутками варить дорогие пилюли, вся прибыль будет уходить только в желудок птицы. Их трехмиллионное состояние растает за десять-двенадцать лет. А ведь Цин Юй будет расти! Через пару лет он достигнет третьего ранга, и тогда ежедневный обед будет стоить больше пятидесяти тысяч!

Ужас, чистый ужас. Чжун Цай, раньше мечтавший вытянуть редкое яйцо и для себя, тут же отбросил эту мысль — двоих таких проглотов они точно не прокормят.

— Похоже, содержать редких зверей — то ещё разорение, — сокрушался он.

У Шаоцянь не выдержал и рассмеялся:

— А кто сказал, что мы будем покупать ему еду?

Чжун Цай опешил.

— У меня всё ещё есть опыт, — пояснил Шаоцянь. — Хотя я и ограничен пиком первого ранга, с твоими пилюлями я вполне смогу добыть пару зверей второго ранга. Да и Сян Линь может охотиться. А Цин Юй по натуре хищник — подрастет и сам начнет добывать себе пропитание.

Цай просиял — и впрямь, зачем всё покупать?

— К тому же, — продолжал Шаоцянь, — Сян Линь лет через десять вполне может пробиться в Сферу Освящения. Тогда он и зверей третьего ранга сможет добывать. В крайнем случае — в паре с рухом. Нам нужно лишь обеспечить их хорошей защитой. Да и твои «слепые коробки» приносят ресурсы, вроде таинственных жемчужин и камней, которые мы можем выгодно сбывать.

Морщинка на лбу Чжун Цая разгладилась. В глазах Шаоцяня заплясали искры: на самом деле он и сам рвался в лес. Каждая пилюля высшего качества давала ему достаточно сил, чтобы завалить пару-тройку монстров и заработать тысячу золотых. Он не собирался позволять Цаю в одиночку тянуть всё на себе. Как только Цин Юй окрепнет, они снова будут «путешествовать» вместе, как в старые добрые времена.

Чжун Да доставил пять пилюль в поместье Чжун. В последнее время ингредиентов хватало, и Цай, ленись выходить из дома, просто передавал отцу готовый результат, не утруждая себя новыми просьбами.

Чжун Гуаньлинь вертел в руках одну из пилюль, всё ещё пребывая в легком шоке от успехов сына. Дверь открылась, и в комнату вошла статная, роскошно одетая красавица с подносом в руках. На подносе дымилась чаша с ароматным супом. Грациозным движением она поставила угощение перед мужем.

— Супруг, откуда у тебя эти снадобья? — с улыбкой спросила она, и взгляд её был полон нежного лукавства.

Гуаньлинь, всегда ценивший внимание своих женщин, зачерпнул ложку супа:

— Угадай.

Красавица нежно прильнула к его плечу:

— Не томи, расскажи же.

Гуаньлинь поцеловал её в щеку и с гордостью выложил правду:

— Это наш Цай-эр сам сварил.

Женщина замерла:

— Цай-эр? Он стал алхимиком? — В её глазах мелькнуло понимание, смешанное с досадой. — Он заходил к нам несколько раз... Так он приносил тебе пилюли? Эх, знай мы раньше, какой талант в нём скрыт, не стоило отдавать его семье У. Дочь третьей ветви хоть и одарена, но вряд ли добьется большего, чем наш маленький шестой... Мы совершили большую ошибку.

— И не говори, — вздохнул Гуаньлинь. — Огромная потеря. — Он протянул ей две пилюли: — Возьми их, отдашь Юнь-эру и Лань-эр, когда придет время.

Этой красавицей была Ло Фэнсянь, третья жена Чжун Гуаньлиня. Обладая высшим талантом Жёлтого ранга, в свои тридцать с небольшим она выглядела великолепно и была даже моложе старшего сына Гуаньлиня, Чжун Ханя.

Она пришла в этот дом, когда Чжун Цай был совсем крохой, и, конечно, присматривала за ним. Но вскоре у неё родился сын Чжун Юнь, а следом — дочь Чжун Лань-эр, и к пасынку она быстро охладела. Учитывая его скромные таланты, она не видела нужды в притворстве, ограничиваясь лишь формальной вежливостью.

Будучи хозяйкой в четвертой ветви, она знала о визитах Цая, но не перечила мужу. Её предшественница обладала талантом ранга Тайны, да и среди наложниц были способные женщины, так что ей приходилось во всём угождать супругу, чтобы сохранять своё положение. К тому же она знала Гуаньлиня: раз он так привечает сына, значит, тот стал по-настоящему ценен. Поэтому она и пришла сегодня с супом — укрепить отношения и разузнать подробности.

Но новость о том, что Чжун Цай стал алхимиком, поразила её до глубины души. В сердце шевельнулось раскаяние: будь она к нему добрее раньше, сейчас её дети могли бы рассчитывать на огромную поддержку. Но теперь вернуть его расположение будет непросто.

Она внимательно осмотрела пилюлю. Она была совершеннее тех, что ей доводилось использовать раньше. Хотя это и был низший ранг, в ней не было и следа тех примесей, что обычно встречаются в дешевых составах. Идеально для её детей.

— Благодарю тебя от имени младших братьев и сестёр Цай-эра, — мягко произнесла женщина.
— Мальчику в семье У приходится несладко, тебе стоит поддерживать его чаще.

Гуаньлинь довольно улыбнулся:

— Само собой. Я уже снабдил его травами, и он оправдал мои ожидания.

Женщина продолжала льстить мужу:

— Цай-эр — добрый и почтительный ребенок. Раз он принес тебе эти дары, значит, в его сердце живет истинная сыновья любовь.

Это окончательно растопило сердце Гуаньлиня. Хотя он и понимал, что их связь с сыном была лишь сделкой, добрые слова грели душу. К тому же иметь союзницу в лице жены было выгодно: она могла уладить все недопонимания в его гареме, если кто-то из наложниц начнет проявлять недовольство.

— Он ведь подумал о каждом, — вкрадчиво продолжала Фэнсянь. — Даже для двухлетней Вань-эр доля нашлась. Не забудь сказать детям, чья это заслуга. Пусть знают, как важна братская любовь.

Гуаньлинь согласился, но, не желая возиться с ребятней сам, передал оставшиеся три флакона жене:

— Ты — их мать, тебе и распоряжаться.

Ло Фэнсянь склонила голову в знак согласия:

— Положись на меня. А долю Сихуа я передам сестрице Тан, чтобы она присмотрела за ним.

Фэнсянь жила во дворе Кленового Леса, самом большом после главного дома. Перед небольшим кленовым леском тренировались её дети. Пятнадцатилетний Чжун Юнь заметно превосходил сестру в силе, лишь изредка поддаваясь тринадцатилетней Лань-эр. Увидев мать, они радостно бросились к ней.

Мать с любовью обняла их и, усадив на каменную скамью, вручила каждому по флакону. Брат и сестра, заглянув внутрь, ахнули в один голос:

— Пилюля Защиты Головы!

Рассказав им, откуда взялись эти сокровища, женщина заметила, как округлились их глаза. Неужели их незаметный шестой брат после свадьбы так преобразился?

Главной целью Фэнсянь было наставить детей:

— Если вам доведется встретиться с братом, постарайтесь наладить с ним отношения. Вы никогда не враждовали с ним, да и я в своё время заботилась о нём, насколько могла. И пусть сейчас вы ищете его расположения из-за его таланта — в этом нет ничего зазорного. В конце концов, вы одной крови, и у вас нет повода для дележа наследства. Вы для него — самые надежные люди.

Она сделала паузу и добавила:

— Ваш отец уже начал задабривать его. Следуйте за ним. Раньше я не придавала значения характеру Цай-эра, но теперь вижу — он умен. Вряд ли он отвергнет вашу дружбу, если вы будете искренни.

Чжун Юнь задумчиво нахмурился:

— Но, мама, отец задаривает его редкими травами. А что можем дать мы? Зачем мы ему нужны, если не можем принести пользы?

Лань-эр согласно кивнула.

Мать мягко улыбнулась:

— Верно. Расположение не купишь словами, нужны дела. Цай-эр больше не претендует на власть в клане, но ему нужны свои люди. Семья У, конечно, обеспечит его всем необходимым, но мастеру всегда нужны верные помощники, которые не зависят от его мужа. Ваша поддержка может стать той силой, на которую он сможет опереться в будущем.

Дети поняли её мысль и серьезно кивнули. Мать продолжала:

— Если он примет вашу помощь, не смейте наглеть. Даже если у алхимика много пилюль, никогда не просите их сами. Ждите, пока он сам предложит.

— Мама, ты нас совсем за дураков держишь? — рассмеялась Лань-эр.

— Вы не дураки, — вздохнула Фэнсянь, — но глупцов на свете хватает.

Она вспомнила о кузине Цяо-эр, которая перед самой свадьбой по глупости язвила Цаю, тогда как Цянь-эр и Линь-эр, проявив такт, сохранили с ним хорошие отношения. Теперь Цяо-эр кусает локти, а те двое могут смело просить о помощи.

— Раз мы упустили момент с подарком на свадьбу, нужно это исправить, — подытожила мать.
— Соберите две тысячи золотых. Как вы это преподнесете?

— Скажем, что всё произошло слишком быстро, и мы не успели подготовиться, — звонко ответила Лань-эр.

— И что только сейчас смогли собрать достойную сумму, — добавил Чжун Юнь.

— И попросим брата не гневаться за задержку! — хором закончили они.

Ло Фэнсянь удовлетворенно кивнула. С этим делом она затягивать не стала и отправилась раздавать остальные пилюли.

В гареме Чжун Гуаньлиня было восемь наложниц с официальным статусом, и Ло Фэнсянь предстояло навестить троих из них. Пилюли предназначались Чжун Цзиньчуаню, Чжун Цзымину и маленькой Чжун Вань-эр.

Сперва она зашла к Сюй Цин-эр. Та встретила её с распростертыми объятиями, надеясь на душевную беседу, но Фэнсянь сразу перешла к делу, вручив ей флакон.

— Пилюля Защиты Головы! — ахнула Сюй Цин-эр. — Мы пытались купить её несколько месяцев, но везде говорили, что все запасы расписаны на полгода вперед!

Её сын Чжун Цзиньчуань, статный юноша семнадцати лет, тоже не скрывал восторга. Мать дрожала над ним, боясь потерять его так же, как и первого сына, погибшего в юности.

— Поблагодарите своего шестого брата, — улыбнулась Фэнсянь. — Это его подарок. Он стал алхимиком первого ранга и, зная, что младшим нужны снадобья, прислал их из дома мужа.

Сюй Цин-эр и её сын застыли в немом изумлении. Они и представить не могли, что Чжун Цай достигнет таких высот. Когда Фэнсянь ушла, мать строго наказала юноше:

— Немедленно напиши брату письмо. Поблагодари его. И пообещай, что, как только совершишь прорыв, сам добудешь для него лучшего дикого зверя, чтобы порадовать его деликатесами.

Та же сцена повторилась в домах Цю Кэ и Тан Сяои. Тринадцатилетний Чжун Цзымин был ещё мал для таких пилюль, но его мать, Цю Кэ, чьё положение в доме давно пошатнулось, плакала от счастья, пряча сокровище на дно сундука — это был залог будущего её сына.

А молодая Тан Сяои, чьей дочке было всего два года, и вовсе растрогалась. Она тут же, при Фэнсянь, написала благодарственное письмо и заставила маленькую Вань-эр поставить на бумаге отпечаток ладошки.

Новость о том, что безвестный и презираемый Чжун Цай стал алхимиком и теперь одаривает братьев редкими пилюлями, потрясла всё поместье Чжун. Все понимали — мир изменился, и теперь с «шестым братом» придется считаться каждому.

<http://bllate.org/book/15860/1435534>